

**О ФОРМАХ РОДИТЕЛЬНОГО И ПРЕДЛОЖНОГО ПАДЕЖЕЙ
ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА С ОКОНЧАНИЕМ -У
(на материале Литовского Статута 1588 г.)**

Т. Д. КТИТОВА

История развития генетивных и локативных образований на *-у* рассматривается, как правило, во всех исследованиях по исторической морфологии славянских языков, в многочисленных работах, посвященных анализу языка памятников, различных по территории и времени написания.

Процесс распространения флексии *-у* в родительном и предложном падежах единственного числа был общим для трех восточнославянских языков, но в каждом из них он протекал в своеобразной форме, что нашло отражение и в памятниках письменности и в говорах этих языков. Границы функционирования форм на *-у* в XVI–XVII вв. определяются во многом историческими изменениями письменной нормы под воздействием живой речи, с одной стороны, и книжно-письменных традиций, с другой. В великорусском языке это приводит к становлению стилистического контраста в использовании вариантных флексий. В старобелорусском и староукраинском языках, ориентированных на нормы живого разговорного языка, такого контраста не было. По наблюдению С. П. Обнорского [1927, с. 103–120], в украинском языке формы на *-у* распространены значительно меньше, чем в белорусском, северные говоры великорусского языка в употреблении форм на *-у* близки нормам литературного языка, а в южных и юго-западных великорусских говорах флексия *-у* представлена чрезвычайно широко и по своему употреблению близка белорусским говорам. В связи со сказанным особый интерес представляют памятники деловой письменности, ориентированные на систему норм живого разговорного языка, к числу которых принадлежит и крупнейший старопечатный памятник конца XVI в. Литовский Статут 1588 г., на материале которого проводилось настоящее исследование.

Как известно, флексия *-у* родительного и предложного падежей единственного числа существительных мужского рода генетически восходит к склонению имен с **й*-основами. Но в процессе взаимодействия небольшой группы основ на **й* с многочисленными основами на **ѡ* эта флексия закрепилась за именами с *ѡ*-основами, характеризующимися теми же морфоноло-

гическими показателями, что и основы на **й*, т. е. за именами с односложной основой на твердый конечный согласный и подвижным ударением.

В тексте Литовского Статута 1588 г. можно выделить большую группу слов с флексией *-у* в родительном и предложном падежах или только в одном из них, которые задолго до XVI в. создали основную базу для морфологического воздействия древнего склонения основ на **й*. Это исконно односложные имена на твердый согласный с подвижным ударением или ударением на основе: *бобъ, боръ, верхъ, внукъ, гневъ, годъ, делъ, домъ, дворъ, долъ, квалтъ, келейтъ, кладъ, кгородъ, кгрунтъ, ленъ, листъ, лесь, макъ, моркгъ, медъ, панъ, платъ, плодъ, портъ, родъ, рокъ, садъ, склепъ, следъ, соймъ, станъ, ставъ, столъ, судъ, торгъ, часть, шихъ*, — и несколько слов с мягким исходным согласным основы: *бой, гай, огонь, зять, гость, пень, зверь* (последнее встречается в Статуте только с отвердевшим *р*, что является одной из древнейших фонетических особенностей старобелорусского языка).

По утверждению С. П. Обнорского [1927, с. 168], одним из условий возможности образования форм на *-у* в родительном падеже является неударяемость окончания. С ударением на корне обычно отмечаются в акцентованных памятниках, по наблюдению П. Я. Черных [1953, с. 258], слова *кладъ, горохъ, макъ*. Накоренным было ударение у слова *часть*, с которым оно зафиксировано, как отмечает З. Н. Веселовская [1959, с. 148], в южновеликорусских и старобелорусских источниках (возможно, под влиянием польского), в отличие от северновеликорусских памятников, где оно встречается только с ударным окончанием.

Наконечное ударение слов *бобъ, бой, дворъ, судъ, столъ*, с которым они обычно документируются великорусскими источниками, может быть „остатком исконной подвижности“ [Колесов, 1972, с. 133.]. Отмечаемое, как правило, накоренное ударение этих слов в западнорусских источниках объясняется влиянием польского.

Слова исконно подвижного типа акцентуации *боръ, верхъ, гневъ, годъ, домъ, долъ, лесь, листъ, медъ, панъ, плодъ, родъ, садъ, следъ, станъ, торгъ* в памятниках представлены с двояким ударением — на корне и на окончании, причем в старобелорусских источниках чаще, как отмечает З. Н. Веселовская [1958, с. 147], с ударением на корне.

У слов *ленъ, пень, огонь* ударение „перетянуто“ на окончание вследствие образования нулевого слога в косвенных падежах [Колесов, 1972, с. 171]. С ударением на корне обычно отмечается слово *зять*, с подвижным — *гость, зверь* [Колесов, 1972, с. 170].

С постоянным ударением на основе заимствованы из польского слова *кгрунтъ, келейтъ* ‘грамота’, *квалтъ* ‘насилие’, *моркгъ* ‘мера длины’,

рокъ ‘годъ’, *склепъ* ‘погреб’, *ставъ* ‘прудь’, *шихъ* ‘порядокъ’ Слово *кгородъ*, зафиксированное в предложном падеже только с флексией *-е*, в родительном последовательно принимает *-у*, хотя обычно исследователи, например Г. А. Хабургаев [1961, с. 164–165], указывают на отсутствие формы родительного *городу* в великорусских памятниках, в том числе и южновеликорусских текстах XVI–XVII вв. В старобелорусский язык форма родительного *кгороду* проникла из польского языка, в котором целый ряд слов неодушевленных в отличие от одушевленных (ср. *grodu*, но *gada*) в твердом склонении имеет форму родительного на *-и*.

Следуя тезису С. П. Обнорского о необходимости параллельного изучения форм на *-у* родительного и предложного падежей [Обнорский, 1927, с. 104], остановимся на словах, отмеченных в Статуте с флексией *-у* в формах обоих падежей: *боръ*, *верхъ*, *годъ*, *делъ*, *домъ*, *морккъ*, *рокъ*, *судъ*, *шихъ*. Слово *судъ* имеет варианты окончания в родительном (*до суду*–*от суда*) и предложном (*о суду*–*на суде*) падежах, а слово *домъ*, в предложном последовательно принимая флексию *-у*, в родительном также образует варианты формы: *отъ дома*–*до дому*. Колеблется в выборе формы родительного и слово *дворъ* (*отъ двора*–*зъ двору*, *отъ двору*), в местном падеже отмеченное с последовательным *-е*: *при дворе*, *на дворе*, *въ дворе*.

Последовательно употребляется с флексией *-у* в формах обоих падежей слово *делъ*, отмеченное в Статуте и во многих других письменных источниках XVI–XVII вв. [ср.: Черных, 1953, с. 262] только в форме мужского рода, что, вероятно, являлось нормой.

Среди имен, отмеченных в Статуте с флексией *-у* в родительном падеже, в предложном имеют *-е* слова *кгрунтъ*, *кгородъ*, *кквалтъ*, *соймъ*, *ставъ*, заимствованные из польского, и слова *часъ*, *лесъ* (в значении местности), для которых, как отмечает Б. Унбегаун [1935, с. 84], предложный падеж на *-у* обычно является нормой в великорусских источниках XVI–XVII вв. Форма предложного на *-е* слова *лесъ* в старобелорусском языке появилась, вероятно, по аналогии с формой предложного слова *гай*, употребляемой в Статуте в том же контексте, что и слово *лесъ*: „Коли бы хто въ якомъ кольвекъ *лесе* албо *гаи* застал чьего чоловека...“ (10,5, 383)¹. Форма предложного падежа слова *часъ* объясняется его употреблением в исследуемом памятнике лишь в конструкции со значением „в таком случае“, заимствованной из польского языка: „... и *въ томъ часе* маеть се тотъ о заплату старати...“ (1, 27, 93).

¹ Первая цифра обозначает номер статьи в Статуте, вторая – главу, третья – страницу.

Влиянием польского языка объясняется, вероятно, и появление в Статуте формы родительного *листу*, тогда как, по наблюдению Л. П. Мощенской [1969, с. 28], форма родительного падежа на *-у* этого существительного не документируется другими памятниками XVI–XVII вв., в том числе и старобелорусскими.

Существительные вещественные и собирательные, функционирование которых в речи в значительной степени определяется их общим лексическим значением, *лесъ*, *гай*, *боръ* (все три в значении ‘строительный материал’), *зверъ*, *бобъ*, *ленъ*, *макъ*, *медъ*, *горохъ*, *платъ* ‘сумма денег’, *огнь* отмечены в Статуте только в форме родительного. Из них лишь последнее колеблется в выборе форм на *-а* и *-у*, что, как утверждает С. П. Обнорский [1927, с. 81], характерно для односложных имен на мягкий конечный согласный основы. Форма *огню* слабо документирована памятниками великорусского языка, но под влиянием польского, по наблюдению Е. Ф. Карского [1956, с. 123], широко распространена в старобелорусской письменности.

Употребленные в Статуте только в форме предложного падежа существительные *долгъ*, *садъ*, *торгъ* в силу своих морфологических показателей должны были иметь и форму родительного на *-у*, что и подтверждают многочисленные источники XVI–XVII вв., исследованные Б. Унбегауном [1935, с. 89–94], П. С. Кузнецовым [1959, с. 17–19].

Все рассмотренные выше примеры по своему лексическому значению не выходят за рамки выделяемых А. А. Шахматовым [1957, с. 240–241] тех семантических разрядов слов, которые способны образовывать формы на *-у*. Исключение составляют лишь несколько слов. В родительном падеже на *-у* отмечено одушевленное существительное *плодъ* ‘наследник’: „... который зъ нихъ умеръ, незоставивши по собе *плоду*...“ (3, 17, 60). Подобные формы родительного падежа одушевленных существительных очень редки и встречаются, как отмечает С. И. Котков [1963, с. 160], лишь в некоторых старобелорусских и южновеликорусских источниках, вероятно, под влиянием польского языка.

Последовательно принимают флексию *-у* в предложном падеже слова *панъ*, *зять*, *гость*, *внукъ*. Все они имеют варианты с исконной флексией, а в форме предложного на *-у* употребляются лишь в юридических конструкциях со значением объекта насилия или ответчика по иску: „... такъ же се маеть разумети о *внуку*... о *зятю*... и каждом виноватом...“ (4, 49, 145). Подобные формы широко распространены в деловых документах юго-западной Руси, южновеликорусских говорах, как отмечает С. И. Котков [1963, с. 171].

Еще одно слово – *князь* – может быть рассмотрено как односложное, хотя оно не относится к исконно односложным, так как *князь* < *кънязь*, но „слабый редуцированный в первом корневом слоге, никогда не оказывав-

шийся в сильной позиции, исчез еще до фонологического падения редуцированных“ [Колесов, 1972, с. 162]. В Литовском Статуте это слово встречается в форме предложного падежа с флексией *-у* с временным значением (*при князю*), распространенной в юго-западных памятниках и южновеликорусских говорах. Возможно, что такие конструкции послужили примером для распространения флексии *-у* на имена одушевленные с собственно местным значением в предложном падеже.

Чтобы представить сферу функционирования форм на *-у* в родительном падеже в сопоставлении с формами на *-а* в кругу имен односложных, рассмотрим их в лексико-семантическом отношении.

Родительный на *-у* охватывает следующие разряды слов:

1. Имена вещественные и собирательные: *гай, лесъ, боръ, платъ, медъ, бобъ, горохъ, ленъ, макъ, огонь*.

2. Имена абстрактные и темпоральные: *бой, верхъ, шихъ, голодъ, дель, гневъ, квалтъ, следъ, столъ* ‘престол’, *судъ, соймъ, кладъ, часть, годъ, рокъ*.

3. Слова с конкретным значением и, по терминологии А. А. Шахматова [1957, с. 241], „означающие местности“: *клейтъ, листъ, моркгъ, портъ, ставъ, станъ, кгородъ, кгрунтъ, склепъ, домъ, дворъ*.

4. Имена, обозначающие одушевленные предметы: *плодъ*.

Формы родительного на *-а* представлены в следующих лексико-семантических группах:

1. Отвлеченные и темпоральные: *судъ, светъ, день*.

2. Конкретные: *рубль, столпъ, кордъ, кустъ, домъ, берегъ* и др.

3. Одушевленные: *сторожъ, сынъ, панъ, мужъ, зять, катъ, гость* и др.

4. Вещественные: *огнь*.

В предложном падеже флексия *-у* функционирует в кругу имен неодушевленных с абстрактной семантикой: *дель, верхъ, долгъ, рокъ, судъ, шихъ, годъ*; с конкретным значением и со „значением местностей“: *боръ, садъ, торгъ, пень*; только в специальных конструкциях в кругу имен со значением лица, о чем говорилось выше.

Аналогичные по своим значениям существительные охвачены и флексией *-е*.

Таким образом, в родительном падеже семантическая дифференциация флексий *-а/-у* выражена достаточно четко: флексия *-у* закреплена за именами абстрактной семантики, вещественными и собирательными, а также за именами, обозначающими местности. Флексия *-а* как показатель индивидуального функционирует в кругу имен конкретных и одушевленных. В предложном

падеже вариантыные флексии *-/-у* охватывают одинаковые лексико-семантические разряды слов.

Закономерно ожидать флексию *-у* в формах родительного и предложного падежей у существительных, производных от исконно односложных, которые представлены в Статуте несколькими примерами приставочных и суффиксальных образований: *вѣрядѣ, зыскѣ, обыйскѣ, розбой, розумѣ, столецѣ, соймикѣ, спустѣ*. Из них лишь слово *вѣрядѣ* образует вариантыные формы в предложном падеже: *при вѣряду, на вѣряде*. Форма на *-е* объясняется, видимо, влиянием польского языка, в котором существительные мужского рода на твердый исходный согласный основы имеют в предложном падеже окончание *-е*.

Самую многочисленную группу слов, отмеченных в Статуте с флексией *-у* в родительном и предложном падежах, составляют дву- и многосложные слова: *наймѣ, народѣ, розделѣ, поборѣ, присудѣ, пересудѣ, накладѣ, закладѣ, вырокѣ, выездѣ, позовѣ, платежѣ, грабежѣ, выводѣ, доводѣ, переводѣ, skutokѣ, члонокѣ, поветѣ, мандатѣ, замокѣ, ечьмень, оркишѣ, пастернакѣ, чоснокѣ, рожай, спадокѣ, звычай, обычай, статутѣ, посагѣ, покой, отменѣ, выступѣ, поступокѣ, выступокѣ, описѣ, втыписѣ, записѣ, упорѣ, отпорѣ, заказѣ, отказѣ, трибуналѣ, тестаментѣ, учинокѣ, пожитокѣ, привенокѣ, податокѣ, порядокѣ, припадокѣ, початокѣ, поранокѣ, недостатокѣ, неспехѣ, компромисѣ, маестатѣ, артыкулѣ, подсудокѣ, подавецѣ*.

В предложном падеже: *господарѣ, квалтовникѣ, чужоземецѣ, паручникѣ, доживотникѣ, ярмарокѣ, подавецѣ, истецѣ, члонокѣ, палацѣ, замокѣ, спадокѣ, покой, празникѣ, грабежѣ, платежѣ, наймѣ, человекѣ, ланцухѣ, учынокѣ, порядокѣ, пожитокѣ, прыпадокѣ, поступокѣ, выступокѣ, поличокѣ, примовокѣ, обовязокѣ, недостатокѣ, назвисокѣ*.

В формах обонх падежей с флексией *-у* зафиксированы следующие слова: *замокѣ, спадокѣ, члонокѣ, платежѣ, грабежѣ, наймѣ, покой, учинокѣ, пожитокѣ, привенокѣ, поступокѣ, выступокѣ, порядокѣ, прыпадокѣ, недостатокѣ*.

Среди них с акцентологической точки зрения закономерны, по-видимому, слова *грабежѣ, платежѣ, наймѣ* (ставшее односложным вследствие выпадения редуцированной гласной), *покой*, отмечаемые обычно, по наблюдению З. Н. Веселовской [1958, с. 149], с подвижным ударением. Остальные, с ударением на основе, в великорусских памятниках встречаются, как отмечает Б. Унбегаун [1935, с. 94], преимущественно в родительном на *-у*.

В группе многосложных слов широко представлены приставочные образования. В старобелорусском языке такие слова характеризуются обычно ударными префиксами: *поступокѣ, накладѣ, народѣ, заказѣ*. С ударением

на окончании в формах единственного числа зафиксированы в памятниках слова с вещественным и собирательным значением: *чоснокъ, ячьмень*; с ударением на основе — *законъ, звычай, обычай*; с подвижным ударением — слово *рожай*. Большая группа слов, заимствованных из польского языка, например, *маестатъ, пастернакъ, оркишъ* (вид ячменя), *обовязокъ* (обязанность), *назвисокъ* (название), *ланцухъ* (оковы) и др., отличается постоянным ударением на основе. Таким образом, многосложные слова, отмеченные в Статуте с флексией *-у*, имеют разнообразную акцентную характеристику.

В группе многосложных имен с формами родительного и предложного на *-у* обращает на себя внимание большое количество слов, образованных от глагольных основ, особенно с суффиксом, содержащим беглый гласный: *спадокъ, учинокъ, розсудокъ, пожытокъ, поступокъ, порядокъ, прыпадокъ, початокъ, недостатокъ, податокъ, выступокъ*; и с нулевым суффиксом: *отъменъ, выступъ, написъ, заказъ, отказъ, упоръ, отъпоръ, описъ* и др. В отношении конца XVI в., позднейшего этапа в развитии распространения флексии *-у*, можно согласиться с мнением В. М. Маркова [1974, с. 56—57] об отглагольном словообразовании как об одном из определяющих факторов, способствовавших расширению границ функционирования флексии *-у*.

Что касается фонетических особенностей рассматриваемых примеров, то следует отметить многочисленные имена с основами на заднебный согласный: *посагъ, клонокъ, праздникъ, ярмарокъ* (форма мужского рода этого слова — черта польского языка), *податокъ* и др., имеющие флексию *-у* в предложном падеже. Но объясняется это, вероятно, не особой ролью заднебных согласных в процессе распространения флексии *-у*, как указывал А. А. Шахматов [1957, с. 249—250], а влиянием польского языка, из которого заимствовано большинство слов этой группы и в котором имена на заднебный согласный утверждаются в склонении с флексией *-у* в XV—XVI вв. [Klemensiewicz Z., 1965, s. 103].

И в родительном, и в предложном падеже окончание *-у* преимущественно у слов с абстрактной семантикой. Кроме того, широко представлена форма предложного на *-у* одушевленных существительных: *подавецъ, истецъ, господарь, квалтовникъ, цюжоземецъ, паручникъ, доживотникъ*. Как правило, эта форма употреблена в специальных юридических конструкциях, но здесь, возможно, не обошлось и без влияния польского языка, в котором формы предложного на *-у* свойственны одушевленным именам на заднебный и мягкий конечный согласный основы.

В Литовском Статуте нашел отражение процесс распространения флексии *-у* на имена существительные среднего рода. В родительном падеже отмечены лишь три примера с флексией *-у*: *отъ поданью, против праву, зачатью*, а

в предложном падеже этой флексией охвачена многочисленная группа имен с отвлеченным значением и несколько существительных „со значением местности“.

Слова с отвлеченным значением: *при бранью, на выведеняю, въ выхованяю, о выволаняю, о выдаваняю, при въеханяю, при выкупеняю, при граниченяю, в гоненяю, о довоженяю, о даваняю, о еднаняю, о зъеханяю, о заступованяю, о завстегненяю, о захованяю, у забраняю, о збираняю, въ молчаняю, при наитяю, о ношеняю, о нечиненяю, в недоложеняю, о неотниманяю, о набытияю, въ невыдаваняю, при обжалованяю, въ ображеняю, въ обираняю, въ обвиненяю, пры отнятияю, о рушеняю, при роспущеняю, о размноженяю, при справованяю, в сказаняю, о складаняю, пры собраняю, о тяженяю, пры наданяю, въ порубаняю, въ попаленяю, въ потрафеняю, о промешканяю, о поправеняю, при прошеняю, о постновеняю, о посланяю, о приездчаняю, о приеханяю, о понятаю, в перебраняю, у покаженяю, въ поживаняю, въ писаняю.*

Лишь три слова колеблются в выборе флексии в предложном падеже: *о браню* – *о бранье*, *о довоженыи* – *о довоженяю*, *о заступованьи* – *о заступованяю*. Все остальные последовательно принимают *-у*.

Слова „со значением местности“ в предложном падеже отличаются вариантным употреблением флексий *-у/-е, -и*: *въ имению* – *на имении, в полю* – *на поли, на местцу* – *на местце, на местцы*. Только с флексией *-у* отмечены слова *въ везеню, въ местечку* и одно собирательное *у войску*.

Формы на *-у* предложного падежа имен среднего рода были широко распространены в западнорусской письменности и южновеликорусских памятниках и говорах, что объясняется, как отмечает Л. П. Мощенская [1969, с. 143], воздействием польского языка, в котором существительные среднего рода мягкой разновидности склонения, а также на задненебный конечный согласный основы имеют в предложном падеже *-у*.

Процесс проникновения родительного на *-у* в склонение имен среднего рода был явлением поздним и получил лишь единичные отражения в памятниках письменности.

Анализ материала Литовского Статута 1588 г. в сопоставлении с фактами других памятников деловой письменности XVI–XVII вв., извлеченных из частных и общих исследований по языку деловой письменности этого периода, позволяет сделать вывод о том, что отражение процесса распространения флексии *-у* в родительном и предложном падежах в исследуемом тексте носит как общевосточнославянские, так и собственно западнорусские черты.

Первые в значительной степени отражены формами на *-у* имен односложных и производных от них. Флексии *-а/-у* и *-е/-у* являются здесь вариантными окончаниями одного словоизменительного класса, который образуют имена с

бывшими основами на *й и *о на твердый исходный согласный основы. Флексией -у охвачены существительные вещественные и собирательные, конкретные и абстрактные, причем флексии не связаны с их синтаксической функцией. Формы на -у в родительном и предложном возможны при любых частных значениях падежей. Например, в родительном партитивном (*мало того лесу*) и объектном (*о порубанью лесу*); предложном изъяснительном (*о суду нашем*) и собственно предложном (*в суду нашем, на суду*).

Но и в кругу имен односложных можно отметить случаи употребления форм на -у, свойственные языку юго-запада Руси. Это касается распространения предложного на -у в кругу имен одушевленных, существительных на задненебный и мягкий исходный согласный основы, существительных среднего рода. Эти черты особенно ярко проявились в кругу многосложных имен.

THE *u*-FORMS OF THE GENITIVE AND LOCATIVE CASES IN THE LITHUANIAN STATUTE OF 1588

T. D. KITIROVA

Summary

In the article the *u*-forms of the Genitive and Locative cases of the singular number nouns of the masculine gender in the Lithuanian Statute have been considered. The material of the Statute of the 1588 confirms conclusions of many other slavists that *u*-forms were more widely used in the Old Byelorussian language than in the Old Russian language of the 16th century. In the Old Russian language *u*-forms were used largely among monosyllabic nouns of the masculine gender which indicated lifeless things. *U*-inflection of the Genitive and Locative cases was spread all over polysyllabic personal nouns and the nouns of the neuter gender in the Old Byelorussian language of the same period.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Веселовська, 1958 — Веселовська З. Н. Наголос іменників білоруської ками XVII ст. — Филол. збірник. Київ, 1958.
- Веселовская, 1959 — Веселовская З. Н. Особенности восточнославянского ударения конца XV — начала XVIII вв. — Уч. зап. Харьковск. пед. ин-та ин. языков, 1959, т. 5.
- Карский, 1956 — Карский Е. Ф. Белорусы. — М., 1956, вып. 2—3.
- Колесов, 1972 — Колесов В. В. История русского ударения. Именная акцентуация в древнерусском языке. — Л., 1972.
- Котков, 1963 — Котков С. И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии. — М., 1963.
- Кузнецов, 1959 — Кузнецов П. С. Очерки исторической морфологии русского языка. — М., 1959.
- Марков, 1974 — Марков В. М. Историческая грамматика древнерусского языка. Именное склонение. — М., 1974.
- Мощенская, 1969 — Мощенская Л. П. Система склонения имен существительных в старобелорусском языке XVI в.: Канд. дис. — Минск, 1969.
- Обнорский, 1927 — Обнорский С. П. Именное склонение в современном русском языке. — Л., 1927, вып. 1.

Хабургаев, 1961 — Хабургаев Г. А. К истории форм родительного и предложного падежей единственного числа с окончанием *-у*. — Уч. зап. Белгородск. пед. ин-та, 1961, т. 3, вып. 2.

Черных, 1953 — Черных П. Я. Язык Уложения 1649 года. — М., 1953.

Шахматов, 1957 — Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. — М., 1957.

Klemensiewicz, 1965 — Klemensiewicz Z. Historija języka polskiego. — Warszawa, 1965, cz.2.

Unbegaun, 1935 — Unbegaun B. La langue russe au XVI siècle (1500—1550). — Paris, 1935, V. 1.

Вильнюсский государственный
университет им. В. Капсукаса

Вручено
в январе 1980 г.